

ФРИДРИХ ЛИСТ, КОТОРЫЙ ОПЯТЬ СОВРЕМЕНЕН

Политик из Ройтлингена

Ф. Лист (1789–1846) родом из маленького Вюртембергского городка Ройтлингена, где его отец был кожевником. Впрочем, человек он был зажиточный, а в Германии уже научились ценить людей, способных составить состояние честным трудом. Фридрих, правда, не проявил интереса к уважаемому занятию своего отца и с 17 лет пошел на государственную службу. За десять лет он дослужился до чина рехнунгсрата в Штутгарте, параллельно за полтора года пройдя курс права в Тюбингене.

В 28 лет в карьере Листа произошел поворот. Он стал профессором кафедры практики государственного управления в Штутгарте. Это случилось в 1817 г.

Для Листа вовсе не случайным было занятие именно такой кафедры. Не экономическая наука или право сами по себе интересовали молодого политика. Лист был именно политиком, хотя и вовсе не в том смысле, в каком это слово употребляется сейчас. В те времена политиками становились люди, ищущие великих свершений.

В то глухое время чиновничья карьера в маленьком королевстве, даже столь блестящая, как у Листа, была слишком тесна для его натуры. Для истинных реформ время не наступило, хотя все говорили только о них. В качестве реформаторов подвизались люди малограмотные. Блеск и широта мышления Листа не могли найти выхода, становились поводом для неприязни к нему начальников и коллег. Никого не интересовало, что этот парень может за пару лет, повернув руль вюртембергской экономической политики, утроить доходы королевства, сделать его граждан вдвое богаче. Все решали интриги.

Университет показался Листу прибежищем от духоты Штутгарта. Он приехал сюда с целью осмыслить происходящее в Германии, подготовить новое поколение государственных деятелей, дать им широту понимания проблем и остроту управленческой мысли.

Однако в университете он сталкивается с тем же самым. Бездарные профессора воспылали к нему ненавистью и стали писать доносы, обвинять в «опасных политических тенденциях». Он никому не сделал зла, никого не оттирал, не участвовал в интригах. Но каждая из его блестящих лекций оттеняла бездарность, скучность и бессмысленность существования провинциальных ученых. Злость на себя выражалась у них в достойной Сальери ненависти.

Масштаб личности Листа не вписывался в узкие рамки Вюртемберга, не то что Тюбингена. Это уже общегерманский масштаб. В 1819 г. Лист оказывается во главе общегерманского Торгово-промышленного союза — главного борца за экономические реформы в Германии, за преодоление ее раздробленности, за единство Империи, для начала — за единое экономическое пространство.

Родной Ройтлинген избирает Листа в парламент королевства. Но в Вюртемберге, для кандидатов в президенты, действовали возрастные ограничения для депутатов. Листу еще не было 30 лет, и мандат аннулировали. Впрочем, граждане Ройтлингена подождали полгода, и снова избрали его.

Травля Листа со стороны чиновничества приобрела небывалую интенсивность. Его изгоняли из страны, сажали в тюрьму, лишали депутатского мандата и, в конце концов, вынудили эмигрировать в США. Сделав там карьеру предпринимателя и публициста, Лист разработал для США программу национальной экономической политики, наметив вчерне тот путь, который через полвека сделал эту страну промышленным лидером мира. В 1832 г. Лист вернулся в Европу в качестве американского гражданина, консула США в Лейпциге. Он начинает строительство первой в Германии железной дороги, занимается наукой и публицистикой, дружит с Генрихом Гейне. Но травля настигает его и здесь. Лист не нужен в Германии. Лист едет в Париж.

Теория ради практики

В Париже Лист написал свою знаменитую книгу — «Национальная система политической экономии». Это была не теоретическая политэкономия вообще. Это была конкретная книга о германской экономике и путях ее подъема. Лист предлагал не абстрактные «теоретически правильные» рецепты. Он пред-

лагал конкретные меры. Не принадлежа ни к какой теоретической школе, он в то же время делает глубокую теоретическую проработку конкретных проблем и конкретных решений.

Практически ориентированная книга Листа в то же время глубоко систематична. Но это не абстрактно-догматическая теоретическая системность Смита, Гегеля или Маркса. Теория может быть логически непротиворечивой, полной, законченной — но практически бесполезной. Таков Лист как теоретик. Он критикует Смита, но не касается при этом понятийной структуры его учения. Он прямо говорит о практике, которой служит теория. У Листа нельзя найти многостраничных обсуждений теоретических понятий, как у Маркса. Если Маркс пишет многотомную критику всей политической экономии, чтобы породить две-три прикладных идеи, то для Листа критика — лишь предлог. Он вскользь касается чьего-то мнения только чтобы оттолкнуться от него и построить конкретное решение конкретной проблемы. Лист не критик по природе. Лист — творец. Это придает его речам и его сочинениям тот публицистический блеск, который напроочь отсутствует в сочинениях академических экономистов.

Фридрих Лист против Давида Рикардо и прусского юнкерства

Спор между протекционизмом и свободой торговли в экономической науке не нов. Он вечен потому, что это — спор об интересах. Сторонники свободы торговли склонны утверждать, что их воззрения — истина в последней инстанции. Они утверждают, что протекционизм ведет к загниванию экономики, а свобода торговли — к ее процветанию.

В действительности, этот вопрос имеет разные ответы в зависимости от конкретных обстоятельств. В одних условиях предпочтительнее свобода торговли, в других — защита национального производителя. Абстрагировавшись же от этих условий, обсуждение вопроса теряет свое практическое значение. Проповедь свободы торговли звучала в XIX в. также мощно, как и сегодня. Звучала она из Англии. И Смит и Рикардо были ярыми ее защитниками. Математическому уму Рикардо принадлежит блестящее и безупречное доказательство преимуществ свободной торговли. В разных странах существуют разные пропорции между затратами на производ-

ство различных товаров. Допустим, затраты на производство компьютера в США эквивалентны затратам на производство 1 т нефти, а в России затратам на производство 3 т нефти. Тогда бросив все силы на нефтедобычу, Россия заработает втрое больше, нежели бросив на производство компьютеров.

Таким образом, для экономики из двух товаров и двух стран каждой стране оказывается выгодней специализироваться на том товаре, относительные затраты на производство которого меньше относительных затрат на производство аналога в другой. При этом обе получают прибыль от внешнеторгового обмена. США при тех же затратах получают больше нефти, а Россия — больше компьютеров.

Интересно, что абсолютная величина затрат тут не важна: пусть в России производство нефти обходится вдвое дороже, чем в США, а компьютеров — в шесть раз. Все равно России выгоднее продавать в США нефть, так как она выигрывает на относительных затратах, получая в обмен на добытую нефть втрое больше компьютеров, чем способна произвести сама.

Для большего числа товаров и стран эта схема обобщается и усложняется, но неизменным остается главное открытие Рикардо: специализация позволяет каждой стране в условиях свободной торговли получать максимум того, что она может заработать при сложившейся экономической ситуации. Протекционизм же нарушает эти пропорции, и страны получают меньше, чем могли бы.

Следовательно, свобода торговли — главное условие получения максимальной прибыли каждой страной. Вывод Рикардо безупречен. И сегодня он является главным и на первый взгляд неопровержимым аргументом фритредеров. непонятно, с чем же здесь можно спорить?

И все же следует обратить внимание на одно обстоятельство. Рикардо доказывает, что свобода торговли выгодна всем **при сложившихся экономических условиях**. А условия эти таковы, что в Англии XIX в. технологический уровень промышленного производства выше, чем допустим в Германии или Франции. Этим последним оказывается выгодным специализироваться на производстве зерна и уничтожить свою промышленность. Продавая зерно, они получают в обмен на него из Англии больше промышленных продуктов, чем могут произвести сами. Прямая выгода.

Но прямая выгода сегодня сбрасывается консервацией отсталости и проигрышем завтра. Германия и Франция отставали во времена Листа от Англии лет на двадцать. В условиях свободы торговли они отстали бы навсегда.

Лист первый вносит в экономическую науку идею, что любое экономическое решение должно рассматриваться не только с точки зрения сегодняшней эффективности, но и с точки зрения его длительных и косвенных последствий. Позже Маршалл назовет эти косвенные последствия *external economies*.

«Задолго до Маршалла такого рода эффекты находились в фокусе всяческих изысканий Листа по теме развития производительных сил», — пишет Л. Роббинс. «Будучи освобожденным от шума и ярости, его тезис содержит зерно истины: стимулирование определенных отраслей промышленности в конкретных исторических условиях может повлечь рост производственного потенциала, который не измеряется только стоимостью конкретной продукции или приростом капитала»¹.

Итак, свобода торговли консервирует сложившееся положение вещей — индустриальное лидерство одних и отсталость других. Цель же Листа заключается в том, чтобы вывести Германию из отсталости. А значит он — противник свободы торговли.

В разных странах сторонники свободы торговли — наиболее реакционные. Так, в тогдашней Германии фритредерство активно поддерживало прусское юнкерство, как раз и экспортировавшее свое зерно в обмен на дешевые английские товары, а протекционизм отстаивали промышленники. В сегодняшней России фритредерство проповедуют экспортеры нефти и газа, а протекционизм отстаивают лидеры отраслей высоких технологий. Такова оборотная сторона свободной торговли.

И Смит, и Рикардо, и их современные последователи из развитых стран Европы и Америки проповедуют свободу торговли в интересах самых прогрессивных кругов своих стран. Для развитой страны свобода торговли — лучшее условие экономического развития и сохранения лидерства. Для страны догоняющего развития свобода торговли — смерть.

Лист смело выступил со своей концепцией протекционизма против юнкерства. Он доказывал, что только протекционизм позволит преодолеть отсталость Германии, догнать и перегнать Англию. И в то же время Лист заработал в англосаксонской литературе репутацию реакционера.

Идеи Листа универсальны для всех стран догоняющего развития. Для этих стран неприменимы кажушиеся очевидными теоретические схемы лидеров мировой экономики. Для догоняющего развития нужна система специальных мер, одной из которых неизбежно оказывается протекционизм.

Воззрения Листа получили блестящее подтверждение на практике. Именно благодаря протекционизму совершила свой скачок в конце XIX—начале XX в. Германия. Именно благодаря протекционизму сделала свой индустриальный рывок 1893–1913 гг. Россия. Именно благодаря протекционизму свершила свое экономическое чудо и обогнала в конце весь мир Япония. Догнав и перегнав можно становиться сторонником свободной торговли. Германия уже стала, Япония пока нет — но к тому идет.

Экономический национализм

Капитал космополитичен. Вообще говоря, ему совершенно все равно, где и каким образом получать прибыль. Лишь бы прибыль эта была побольше. Если есть прибыль — совершенно неважно, разоряется или поднимается твоя страна. Важно лишь, поднимаешься или опускаешься ты сам. Если в разоряющейся стране сразу шесть представителей правящего класса вдруг оказываются в списке самых богатых людей мира — значит правящий класс ситуация устраивает.

Правда, разорение страны не устраивает средний класс, который от этого разорения страдает. Желательно, все-таки, нащупать такой путь, при котором все классы были бы удовлетворены — и крупный капитал бы прирастал, и страна богатела.

Происходя из среднего класса, Лист, прежде всего, заботился о том, чтобы его страна богатела. Можно, конечно, предоставить богатеть лидерам мировой экономики (в те годы — Англии) и радоваться, что в мире прибывает богатства. Но если при этом Германия остается бедной, прирост богатства шел за счет Германии.

С этих позиций Лист выступает против классической политической экономии. Он не критикует Смита по существу теории. Он лишь указывает, что его теория космополитична, что она в принципе игнорирует национальные особенности экономического развития различных стран. Навязывание догматических, общих, «естественных» законов всем странам, в

конечном счете, почему-то оказывается выгодно наиболее развитой стране, а именно родной Смигу Великобритании.

В противоположность Лист выдвигает другое, естественное для практика требование к экономической науке. Она должна быть не «общей», оторванной от жизни схемой, а конкретно-исторической наукой о конкретных интересах, конкретной экономической практике. «Как определяющее отличие предлагаемой мной системы я утверждаю национальность, — говорит Лист. — Все мое творение основывается на натуре нации как опосредствующего звена между личностью и человечеством».

Итак, Лист — «экономический националист». Сразу надо оговориться, что его национализм сильно отличается от того, что имеют в виду под этим термином сегодня. Под нацией Лист подразумевает совокупность всех хозяйствующих субъектов, населяющих страну. Он противопоставляет их экономические интересы внешним и предлагает способы их оптимального обеспечения.

Сегодняшний же национализм часто имеет не экономическую, а чуждую Листу биологизаторскую природу. Его представители стараются установить границы между различными слоями общества по надуманному «национальному» признаку. Биологизаторский национализм разъединяет страну и ссорит ее граждан, нанося экономический ущерб, формируя социальный апартеид, затрудняющий экономические отношения, как мы ярко видим это сегодня в Эстонии или Латвии. В противовес этому экономический национализм Листа объединяет нацию общими экономическими интересами, стирая надуманные биологические и культурные разделители.

Для страны догоняющего развития экономический национализм — неизбежность. Без него нельзя преодолеть отсталость, вырваться из тисков нищеты. Для таких стран Лист будет актуален всегда, также как Адам Смит для лидеров мировой экономики.

Преодоление отсталости

Итак, Лист спорит не по существу теории Смита, а указывает на ограничения области ее применимости. Поэтому его критика в такой же степени касается всех современных теорий, отражающих реалии передовых стран. Для стран, перед которыми стоит задача преодолеть отсталость и вырваться в лидеры, эти

теории неприменимы. Свобода торговли, минимум государственного вмешательства в экономику, монетарное регулирование — все это хорошо для уже вырвавшихся вперед. Для остальных эти рецепты — способ консервации отсталости.

Лист особо заостряет внимание на том, что разные страны находятся на разном уровне развития. Поэтому свобода торговли, хотя и обеспечивает некую абстрактную сиюминутную выгоду для мирового хозяйства в целом, но препятствует развитию производительных сил в отставших странах. Лист, в противовес Рикардо, создает свою теорию внешней торговли, которую он называет теорией «производительных сил» в противовес «теории меновых стоимостей». Производительные силы в его понимании — все источники богатства нации. Государство должно заботиться об их развитии, а не о сиюминутной выгоде.

В перспективе крайне выгодно развивать те отрасли, где сегодня издержки пока еще выше, чем за границей. Развивать, инвестировать — вот единственный путь снижения издержек на перспективу. «Эту потерю должно воспринимать лишь как цену за промышленное воспитание нации». Точно сказано, точно сформулирована цель — промышленное воспитание нации, преодоление отсталости. Оно имеет свою цену, но вложения в него приносят огромную прибыль в перспективе.

Протекционизм для Листа служит средством достижения этой цели. Для развития производительных сил надо привлекать инвестиции. Но как же они пойдут в те отрасли, которые не выдерживают конкуренции с Англией? Значит на время, пока идет «промышленное воспитание», надо уравнивать шансы искусственно. Таможенными барьерами. Когда догоним Англию — тогда да здравствует свобода торговли!

«Можно предложить правило, что нация тем богаче и могущественнее, чем больше она экспортирует промышленных изделий, чем больше она импортирует сырья и чем больше она потребляет тропических продуктов», — говорит Лист. Если в результате экономической политики собственного правительства страна начинает специализироваться на экспорте топлива и сырья — значит, политика эта ведет к вечной отсталости и нищете. Значит, нужна прямо противоположная политика. Спустя полтора века Лист актуален в России гораздо в большей степени, чем московские профессора, рассуждающие о преимуществах свободы торговли.

Ненависть и возвращение

Итак, фритредерские теории играют прямо противоположную роль для развитых и для догоняющих их стран. В передовых странах они — идеология самых прогрессивных, работающих на богатство нации сил. В отсталых странах они — идеология самых реакционных, самых антинациональных, самых враждебных экономическому прогрессу кругов. И если в передовых странах за протекционизм ратуют самые слабые, неконкурентоспособные круги бизнеса, то в отсталых странах он — идеология прогрессивных национальных сил.

Лист — самый яркий идеолог передовых кругов Германии в эпоху ее «догоняющего развития». Он идеолог тех кругов, которые спустя полвека сделали Германию мировым технологическим лидером. Он идеолог всех тех политиков в других странах, которые хотели бы повторить успех Германии для своей Родины.

И в то же время Лист вызывает яростную ненависть. Он вызывал ее у всех реакционеров Германии, у всех экспортеров сырья и хлеба, заинтересованных в сохранении отсталости как главном условии сохранения своего господства в стране. Травля Фридриха Листа продолжалась всю его яркую жизнь.

Лист проиграл. Его затравили. В 1846 г. он свел счеты с жизнью, не выдержав вечной травли бездарей, реакционеров, истинных врагов его нации и его страны. Лист победил. Германия пошла, в конце концов, по предначертанному им пути. Да и США, давшие ему второе гражданство, не пренебрегли его советами. Его наследие стало основой для экономических учений периода подъема Германии, для исторической школы в политэкономии. Даже самая его бурная жизнь стала примером для многих, ответы ее легли на юность профессора-бунтаря Бруно Гильдебранда.

Победа Фридриха Листа стала причиной того, что ненависть к нему и после его кончины осталась столь же яркой и неугасимой, а клевета столь же неискоренимой, как и при жизни. Имя Листа стало предметом идеологической борьбы.

Ненависть к Листу в англосаксонских странах и, прежде всего, в Англии понятна. Она имеет исторические корни. Его учение было враждебно Англии в той же мере, в какой оно соответствовало конкретно-историческим интересам Германии. В США Лист также стал в XX в. фигурой одиозной. Ведь

США уже догнали и перегнали Англию. Теперь свобода торговли обеспечивает их интересы, и борьба за нее поставлена теперь во главу угла национальной политики. Так что незачем вспоминать, что этот успех был когда-то достигнут благодаря протекционизму, проводимому вполне в духе Листа.

В самой Германии по мере адаптации юнкерства к новым условиям, по мере выявления выгод от развития индустрии и расширения внутреннего рынка, ненависть к Листу стала спадать, правота его стала очевидной. Но он так и не стал официально признанным гением. Сегодня Листа предпочитают замалчивать. Ведь Германия давно уже стала передовой страной и активно борется за фритредерство.

Лист никогда не был в моде. В развитых странах его было принято шельмовать — в национальных интересах, а в развивающихся странах его последователи испытывают жесткий прессинг со стороны кругов, обслуживающих интересы экспортеров сырья, заинтересованных в консервации отсталости и в сохранении сырьевой специализации.

Правда, Лист получил признание в Японии. Нешумливые японцы всегда заимствуют у Запада все, что им нужно и выгодно, без особых споров и обсуждений. Они досконально изучили и применили наследие Листа и используют его до сих пор. Их гибкость заключается в одновременном проведении политики фритредерства для тех отраслей, где они обогнали Запад и политики протекционизма в тех отраслях, где он необходим — в сельском хозяйстве, легкой промышленности и т. п. Успех такой политики налицо. Лист остался непризнанным классиком. Его или ругают или замалчивают. Никто, кроме откровенных злопыхателей, не отрицает, конечно, величия его фигуры в истории экономической науки. Все профессионалы понимают мощь и глубину его идей. Но говорить о нем страшно. Он как бы в стороне от «мэйнстрима» развития экономической науки.

Лист — классик. Но классик, который говорил не о том. Классик, который чужд как марксистам, так и последователям «субъективной школы». И даже мудрый Кейнс, поднимая на щит английских меркантилистов, обходит Листа стыдливым молчанием.

В России отношение к Листу менялось. В период промышленного переворота конца XIX–начала XX в. Лист был в чести. В советское время ему никак было не найти места. Маркс

с Листом не спорил, так как тот не трогал вопросов эксплуатации, прибавочной стоимости и прочих, касающихся дележа произведенного. Лист занимался способами увеличения производства, безотносительно к тому, как потом делить произведенное. С другой стороны, Маркс и Энгельс одно время агитировали за фритрейд, значит, были против Листа, что дало повод советским политэкономам если не записать Листа в реакционеры, то отметить его «поклоны в адрес дворянства и монархии». Попробовали бы они сами обойтись без поклонов в адрес коммунистов и коммунизма!

После войны Листу заодно припомнили, что он был предшественником теорий «лебенсраума» и вообще больно уж пекся об интересах Германии, где спустя сто лет утвердился фашизм. Странно объяснять, что о фашизме Лист даже и не слышал, а о Германии пекся потому, что она была его Родиной. Родился бы в России — пекся бы о России. Когда в результате перестройки Россия оказалась в ряду стран догоняющего развития, отношение к Листу стало стандартным для таких стран. Для грамотных экономистов он стал если не знаменем, то источником творческого вдохновения. Для экономистов, обслуживающих интересы компрадоров и иностранного капитала — врагом. Ненависть снова настигла Фридриха Листа — в который раз. Каждый раз она настигает его в той стране, которой его учение может принести наибольшую пользу.

Лист — как лакмусовая бумажка. По отношению к нему можно определить, какие интересы реально отстаивает тот или иной экономист, политик, публицист. Если национальные — он поднимает Листа на щит. Если чужие — присоединяется к хору обливающих его грязью фритредеров. Лист сегодня снова современен. Он снова встает в фокус споров. Основатель германской национальной экономической науки передает эстафету науке российской.

Когда Россия отвернется от пропасти и решится встать на путь экономического подъема и возрождения, ей понадобятся не общие теории, а конкретные решения, не «чикагские мальчишки», а «экономический национализм». Творцами русского экономического чуда будут те, кто способен оценить и принять мудрость внешне эклектичного, но глубоко систематического и конкретного учения Листа. Классика, который никогда не был профессором политической экономии.

Лист был профессором по кафедре практики государственного управления

Примечания

¹ Robbins L. The Theory of Economic Development in the History of Economic Thought. London, 1968. P. 116.

П.П. Лузан

ФРИДРИХ ЛИСТ КАК ИСТОРИК ЭКОНОМИКИ

Основная идея и база исследования

Книга Ф. Листа «Национальная система политической экономии» (*Das nationale System der politischen Oekonomie*) была опубликована в 1841 году. Первый частичный перевод на русский язык увидел свет пятнадцать лет спустя под заглавием «Взгляд Ф. Листа на систему политической экономии (извлечение из его же сочинения “Национальная система политической экономии”))» (М.: Унив. Тип., 1856). Однако большую известность книга получила благодаря С.Ю. Витте, изложившему основные идеи ученого в своей работе «Национальная экономия и Фридрих Лист»¹, изданной в Киеве в 1889 г. Полный перевод сочинения Листа, под редакцией К. Трубникова, был издан в Санкт-Петербурге в 1891 г.²

Фридрих Лист — не музыкант, а предприниматель и теоретик, положивший начало двум, очень тесно связанным, направлениям в науке: 1) национальная система политической экономии; 2) история экономики.

Родился Ф. Лист в раздробленной Германии в 1789 г. и много сил, если не сказать все, отдал объединению страны. В 1825 г., скрываясь от преследований, был вынужден уехать в Америку, где не только публиковал свои статьи, но и организовал компанию по добыче угля, построил небольшую железную дорогу для его перевозки, а, вернувшись на родину, — активно агитировал за объединение страны через издание в

1841 г. уже упомянутой книги, а с 1843 г. — через издание «Газеты таможенного союза». Умер Ф. Лист в 1846 г.

Его книга — «Национальная система политической экономии» — это программа обеспечения национального единства и на этой основе создания и развития экономики страны. Публикация этого сочинения потрясла если не весь мир, то Германию и Англию — определенно. Германию потому, что содержала программу преодоления раздробленности и создания единой национальной экономики; Англию потому, что ведущей теоретической идеей была новая, по сравнению с английской политической экономией, теория национальной экономии!

Теоретически исходным был показ несостоятельности теории Адама Смита — английской политической экономии, с его идеей международных экономических отношений в форме свободной торговли, для абсолютного большинства стран, вступающих на путь экономического развития.

С первых строк своего «Введения» к сочинению Ф. Лист формулирует сложившееся противоречие между теорией и практикой. «Ни в одной части политической экономии не господствует такого разногласия между теоретиками и практиками, как относительно международной торговли и торговой политики. Вместе с тем в области этой науки не существует другого вопроса, который бы имел столь важное значение как по отношению к благосостоянию и цивилизации страны, так и по отношению к самостоятельности, могуществу и устойчивости».³

Ее основу доказательства неприемлемости для всех стран теории английской школы политической экономии, которую Ф. Лист назвал космополитической теорией, применимой для многих стран лишь через века, была положена характеристика уровня развития экономики различных стран, помочь которым космополитическая теория не только не могла, но и приносила несомненный вред.

Экономическую теорию, способную быть основой национальной экономической политики, содержащую основные принципы становления и развития национальных экономик, Фридрих Лист назвал, национальной экономией.

Разработка этой теории потребовала необходимости проведения широкого по охвату и глубокого по содержанию историко-экономического анализа развития экономики многих стран и обоснования на этой основе принципов формирования нацио-